

7. Витебская старина: в 5 т. / сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск: Витебский губернский статистический комитет, 1883-1888. – Т. 5, ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии. – 1888. – 650 с.
8. Uruski, S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej / S. Uruski, A. Kosiński, A. Włodarski. – Warszawa: Skład główny Gebethnera i Wolffa, 1916. – Т. XIII. – 404 s.
9. Архіў галоўны актаў даўніх (AGAD). Архіў Радзівілаў (AR). II, №370. Інструкцыя наваградская 19.01.1598 г.
10. AGAD. ASK.III, Sygn. 37. арк. 146. Выплата ротмістам інфлянцкай замкавай пяхоты 6.10.1604 г.
11. AGAD. AR.IV. Sygn. 294 № 11. К. Радзівіл да Жыгімонта Вазы 13.12.1600 з Вігант мойжы пад Зэльбаркам
12. РНБ. - Ф.971. - Аўт. 321/1, №75. Спіс рот быўшых ў бітве пад Кессю 7.01.1601 г.
13. РНБ. - Ф.971. - Аўт. 321/1 №95. Спіс рот пад Кокенгаўзенам 27.05.1601 г.
14. AGAD. – AR.IV – Sygn. 294 №38. К. Радзівіл да Я. Радзівіла 25.05.1601 з Вігантмойжы.
15. НГАБ. – Ф. КМФ–18. – Воп. 1. – Спр. 86. Метрыка прывілеяў караля Жыгімонта Вазы, канцлера ВКЛ Льва Сапері 1599 – 1611 гг.
16. Białozor, Gabriel \ List o oblężeniu zamku dynamyńskiego w Inflanciech do iasnie wielmożnego pana Chrisztopha Moniwida na Dorostaiach, marszałka ... W.X. Litewsk. ... od namiestnika ... dynamyńskiego pana Gabriela Białozora, dzierzawce nowomlyńskiego dnia 22 miesiąca Octob. w roku 1605 pisany \ Kraków : Mikołaj Szarffenberger, 1605 - 8 с. <http://www.polona.pl/item/333720/2/> (дата доступа 30.03.2014)
17. Бібліятэка князеў Чартарыйскіх (BCzart.) Rkps.103. № 259(1133). Лічба Яго міласці падскарбія ВКЛ Яраша Валовіча падаткаў ВКЛ за 1607 г.

УДК 947.808.4

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛОЦКОМ РАЙОНЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БССР В 1937 – 1941 гг.

канд. ист. наук, доц. И.И. ЯНУШЕВИЧ

Белорусский государственный университет, Минск

Проводится анализ причин слабого распространения атеизма среди населения БССР в 1937 – 1941 гг. на примере Полоцкого района. Рассматривается вопрос эффективности антирелигиозной работы партийно-государственных органов.

Исследуя развитие конфессиональной ситуации и состояние антирелигиозной работы в СССР в довоенный период, можно с уверенностью сказать о существовании региональной специфики. Это касалось как крупных регионов, таких как Сибирь, Украина, Средняя Азия, так и небольших территорий, одной из которых был Полоцкий район. Следует отметить, что состояние «антирелигиозных дел» в районе необходимо рассматривать в общем контексте политики партии в данном направлении. Полоцк был знаковым местом. Один только Спасо-Евфросиниевский монастырь, являясь жемчужиной православных святынь, наносил колоссальный вред продвижению безбожия. Под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья в 1921 – 1922 гг. обитель была практически полностью разграблена. «Крест преподобной Евфросинии в 1921 г. был передан в Полоцкий финотдел, а затем в Минск, где некоторое время находился в Белорусском государственном музее» [1, с. 79]. В дальнейшем святыня была утеряна или украдена. Чрезвычайно мешали распространению просоветски настроенного раскольнического течения обновленцев «монашествующие мужского и женского монастырей города Полоцка. О последних следует сказать, они по своей некультурности, неразвитию и религиозному невежеству являются главными виновниками религиозной смуты, продолжающейся в нашей епархии до сего дня» – констатировал один из их предводителей [2, л. 171]. В то время выступление против обновленцев требовало мужества и однозначно влекло неминуемые репрессивные санкции со стороны властей. Но вера и чистота православия для монашествующих были несравненно выше тюремных заключений, ссылок и даже смерти. Подобные примеры духовного служения вызывали заслуженное уважение не только православных верующих, но и инославных, и атеистов. Авторитет старой тихоновской Церкви рос, что абсолютно не входило в планы большевиков. К середине 1920-х годов и мужской Богоявленский, и женский Спасо-Евфросиниевский монастыри в надежде на их забвение властями были закрыты.

Глубокий «атеистический подтекст» должно было сыграть вскрытие, а вернее кощунственное осквернение в мае 1922 г. мощей преподобной Евфросинии. Кампания по вскрытию мощей прокатилась по всему СССР в 1919 г. Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей православных

ГІСТОРЫЯ

угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «і» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не как материальная сохранность мумии, а как явление духовное. Безусловно, что в таких условиях обнаружение в раках вместо нетленных останков Святых земли Русской костей и прочих атрибутов не имело на абсолютное большинство верующих должного влияния. Более того, проводимые резко, без предварительной подготовки вскрытия мощей вызывали у верующих недоверие к комиссиям, озлобление по поводу откровенного разграбления имущества раков. В Полоцке комиссия по вскрытию наткнулась на яростное сопротивление насельниц и священнослужителей, которые были арестованы и преданы суду. В 1924 г. около 250 сестер были выселены из монастыря и разогнаны по району, что в условиях насильственно насаждаемого материализма только усиливало их специфические миссионерские возможности и авторитет.

Проблемы распространения атеизма в СССР в 1930-е – начале 1940-х годов исследовались как советской, так и современной исторической наукой в недостаточной степени. Главной причиной этого является многогранность данного вопроса. В условиях жесткого идеологического давления ученым приходилось формулировать темы исследований в заранее обозначенном направлении с однозначно четко указанными решениями задач. Источниковую базу многих исследований значительно дополняли материалы абсолютно zaangażированных рупоров безбожия типа «Безбожник», «Антирелигиозник» и др. Одной из причин является и то, что деятельность религиозных организаций изучалась в СССР только с точки зрения исполнения советского законодательства органами власти (ВЦИК, ЦИК Белоруссии и др.). Деятельность основных игроков «антицерковной борьбы» (ВЧК, ГПУ-ОГПУ, НКВД) не рассматривалась, а деятельность партии большевиков, основанная на марксизме-ленинизме, трактовалась как естественный прогрессивный процесс борьбы с религиозным дурманом путем распространения атеизма. При этом целенаправленно не показывались гонения, репрессии духовенства и верующих, а также различия в государственной религиозной политике по отношению к конфессиям. Даже имевшие место в среде большевистского руководства разногласия по религиозным вопросам, и весьма серьезные, особенно позиции В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, М.И. Калинина, никоим образом не отражались в исследованиях. Хотя, как известно, антицерковный вопрос во внутривластной борьбе был весьма значим, в первую очередь это касалось борьбы с троцкизмом.

Исследования 1920-х – 1930-х годов должны были выполнять роль своеобразного разоблачителя классово-религиозной роли религии и церкви, их «контрреволюционности» и «эксплуататорской сущности» [3, 4, 5]. Заданные в публицистических, пропагандистских работах установки в дальнейшем полностью доминировали у более поздних авторов [6, 7, 8]. Следует заметить, труды эти использовались в качестве источников и во многом облегчали поиск идей при исследовании вопроса, т.к. уже считались классическими произведениями. Создаваемые для решения сугубо агитационно-пропагандистских целей работы, посвященные распространению атеизма, по сути не рассматривали вопросы эффективности реализуемой антирелигиозной деятельности партийно-государственных структур. Наблюдалось стремление максимально теоретизировать проблему. Пропагандистские установки превалировали над научностью. Труды белорусских советских ученых отличались использованием большого фактического арсенала, но наблюдалась определенная недосказанность и однобокость [9, 10, 11]. И здесь вина не только в «идеологической ангажированности», а и в ограничениях при использовании архивных материалов. Значительная часть их была недоступна, да и сложно представить при тотальном контроле всевозможных структур появление даже небольшой научной статьи с критической оценкой атеистической деятельности партии. Хотя многие недостатки и недочеты в работе отдельных структур и подразделений обозначались, но правильность курса партии на равнение на материализм была незыблема. В исследованиях постоянно упоминались положительные примеры организации антирелигиозной работы в различных местах республики. Полоцк в данных трудах не указывается.

В постсоветской историографии первым и пока единственным серьезным трудом явилась монография В.А. Алексеева [12]. Современные белорусские ученые в основном уделяют внимание развитию конфессиональной ситуации в указанный период [13, 14, 15]. Антирелигиозная деятельность партийно-государственных структур пока еще не стала предметом отдельного научного исследования, что представляется не совсем правильным, т.к. именно уровень укоренения безбожия в сознании масс определял все иные направления антирелигиозной деятельности и во многом характеризовал духовно-нравственный облик гражданина Страны Советов. Здесь следует отметить, что к рассматриваемому периоду агитпропмашина в формировании нового мировоззрения значительно преуспела. Популяризируемые идеи и лозунги укрепились в сознании людей. И массовый патриотизм, и трудовой энтузиазм, и вера

в достижение в скором времени новой, счастливой жизни имели место. Совсем другой вопрос: была ли чужда этим людям вера в Бога, сколь глубока была секуляризация советского общества?

Провозглашая в своих программных документах борьбу с религией и церковью до полного их уничтожения партия за два десятилетия нахождения у власти не выработала какой-то единой системы антирелигиозной деятельности. В 1920-е годы вопрос был излишне политизирован и не раз использовался в борьбе за лидерство и влияние на сторонников противоборствующими группировками. В 1930-е годы формирование государственной политической системы в целом завершилось, но в церковном вопросе наблюдалось разностороннее движение и отсутствие консенсуса. Резкие репрессивные и атеистические кампании быстро сменялись практически полным сворачиванием деятельности (за исключением контроля НКВД). Естественно, что определял степень внимания к тем или иным вопросам непосредственно И. Сталин. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. он выступил с «кровожадным» докладом, призвав ликвидировать «политическую беспечность» руководящего состава. Это не могло не пробудить классовой бдительности. Одним из заброшенных участков борьбы с врагами социалистического отечества по-прежнему была антирелигиозная работа, которая, следует отметить, к 1937 г. находилась в полном развале. 19 августа 1937 г. сотрудником Центрального совета Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ) СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. Из отчета следует, что общая характеристика ситуации в республике была не на высоте: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ был введен ряд ныне разоблаченных лиц как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларуси был Левков, также ныне разоблаченный как враг народа» [16, л. 6].

Безусловно, подобное состояние дел не могло не волновать партийные и силовые структуры, поэтому был принят ряд постановлений ЦК КП(б)Б, направленных на усиление антирелигиозной работы. Доминировало мнение, что окрепший церковный фронт нес явную угрозу социально-экономическому развитию страны. Рационализатор безбожия Ем. Ярославский в статье «XVIII съезд ВКП(б)Б и борьба с пережитками капитализма в сознании трудящихся» указывал: «Сохранение религиозных пережитков в быту наносит ущерб общественной собственности, мешает воспитывать доброе, коммунистическое отношение к труду, разлагает людей» [17, л. 5].

Действительно, страна переживала очень сложный период. Необходим был резкий скачок в экономическом развитии. Шел процесс поиска идей, которые смогли бы мобилизовать как можно больше граждан на трудовые подвиги, преодоление социально-экономической отсталости да и объединить общество перед внешней угрозой. Одной из идей было то, что трудности временные, партия видит пути выхода из сложившейся ситуации и необходимо только следовать ее указаниям. «XVIII съезд указал, что теперь, когда наша страна вступила в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму, решительное значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей» [17, л. 1]. Именно в «коммунистическом перевоспитании» и состояло одно из главных противоречий времени. Усиление советской государственности, консолидация общества в рамках существующего режима нужен был ленинский «винтик» или хотя бы лицо молчаливо несогласное, но усердно трудящееся. По религиозному вопросу подобное просматривалось весьма проблематично. В стране согласно переписи населения не побоялись назвать себя верующим более 50% граждан. «Недоизъятое» духовенство, не враждебное советской власти, но и не способное принять в силу своих убеждений подобную антирелигиозную политику, уже в меньшей степени определяло религиозные взгляды и настроения населения. Отсутствие возможности овладевать основами вероучения и культурной практики традиционных конфессий породили множество течений, вплоть до оккультно-мистических. Вся эта масса людей деятелями СВБ признавалась классово враждебной, подлежащей атеистическому перевоспитанию посредством лекций, докладов, бесед, громких чтот и т.д. В эффективности подобной работы сомневался даже генсек ЦК ВЛКСМ Косарев: «Что мы предлагаем? Актив собрать, группу лекторов подобрать, лекции прочитать... Этого недостаточно... Я за лекции, это дело полезное, но нужно сказать, что делать в текстильных поселках среди женской молодежи, не летать в облаках, а на грешную землю спуститься, и на этой грешной земле есть верующие» [12, с.155].

Комсомольский лидер, реализующий громадные проекты, понимал отличие теории от практики, но в условиях необходимости беспощадной борьбы с врагами народа, когда «враги социализма действуют через религиозные организации», антирелигиозная деятельность вновь становится важнейшим участком агитационно-пропагандистской работы [17, л. 6]. Что из этого получилось в реальной жизни, попробуем рассмотреть на примере Полоцкого района. Какие конкретные мероприятия необходимо было реа-

ГІСТОРЫЯ

лизовывать в борьбе с религиозностью, ни партийные, ни государственные структуры не знали. На всякий случай «в 1937 и 1938 гг. органы НКВД БССР нанесли значительный оперативный удар по организованному антисоветскому подполью церковников и сектантов и по церковно-сектантскому активу. За этот период арестовано и осуждено 3247 церковников и сектантов, из них свыше 400 человек попов и монахов, 1 митрополит и 5 архиепископов» [18, л. 57]. Полоцко-Витебской епархии это коснулось в несколько меньшей степени: «В Витебске и районах, ныне Витебской области, ликвидирована к-р шпионско-повстанческая и диверсионная организация, в составе 84 человек, во главе с архиепископом Добромысловым, попом Оглоблиным и др. и троцкистом – директором тарного комбината Рябцевым. Часть попов – участников этой организации сгруппировались на тарном комбинате, где объединились с троцкистами и совместно проводили вредительскую работу» [18, л. 62]. Хватать в области практически уже было некого. В основном проходил процесс ликвидации просоветски настроенных обновленцев и, видимо, в определенной степени сотрудничавших с властями приверженцев объявленной в 1927 г. автокефалии Белорусской православной церкви. Из-за противостояния этим течениям на рубеже 1920-х – в начале 1930-х годов практически все православное духовенство было арестовано и в свои приходы больше не вернулись.

Окормлял в это время Полоцко-Витебскую кафедру архиепископ Николай (Покровский), принявший сан епископа в возрасте 68-ми лет в июне 1919 г., в самый разгар Гражданской войны. В это время просто исповедание веры в Бога граничило с подвигом, а пастырское служение вело к принятию мученической смерти. В Витебск он приехал тяжелобольным человеком в возрасте 80 лет. На один глаз был слеп совсем, на другой – на 40%. Несмотря на физическую немощь, владыка Николай с полной отдачей работал на ниве служения православию, исполняя свой архиерейский долг. В условиях массовых преследований верующих, тотальных закрытий православных храмов и поголовного уничтожения духовенства архиепископ Николай открыто выступал против творившихся беззаконий. Владыка был не согласен и с позицией Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), 18 февраля 1930 г. в интервью иностранным журналистам заявившего о том, что в Советском Союзе нет каких-либо религиозных преследований. Ситуацию в епархии архиепископ Николай характеризовал следующим образом: «Митрополит Сергей никогда не реагировал на мои к нему донесения, устные и письменные, о крайне бедственном положении вверенной мне Полоцко-Витебской епархии. Это положение сводится к тому, что часть закрытых сельских церквей разгромлена, колокола сняты и увезены, алтари осквернены, священные сосуды и церковная утварь расхищены, иконостасы разломаны и разбросаны, священники закрытых приходских церквей или томятся в тюрьмах или находятся в ссылках, иные состоят на тяжелых принудительных работах. Из отбывших наказание ни один не возвратился в свой приход. Дети остаются без крещения, покойники хоронятся без церковного отпевания, духовенство лучше меня слышит вопль и плач христиан... видя слезы плачущих земляков, родных, близких... Просвета не видно...» [19, с. 27].

Однако с учетом реального количества верующих подобный путь был абсолютно неприемлемым. Из лагерей возвращались изможденные, запуганные, униженные верующие, а не атеисты. Их убеждения существенно влияли на жизнь близких им людей. Во время проходивших в 1937 – 1938 гг. чисток «после разоблачения секретаря Шатыренка выяснилось», что комсорг совхоза «Хотцы» неблагонадежна – «муж – сын попа», а у «пропагандиста политшколы колхоза «Косарева» Прусава родители баптисты» [20, л. 37]. Таким образом пытались вменить в вину любую связь с носителями религии.

Переломить ситуацию на антирелигиозном фронте, по мнению политического руководства, должна была массовая агитпропработа среди в первую очередь верующих граждан, хотя неверующие также нуждались в постоянном напоминании о вреде религии и контрреволюционности церковников. Застрельщиком данного направления деятельности должен был стать СВБ поддерживаемый всеми партийно-государственными структурами. Но безбожники Полоцка и района чем-то похвастаться не могли. К августу 1937 г. «в Полоцке даже не существует оргбюро СВБ» – констатировал проверяющий из ЦС СВБ СССР [16, л. 16]. Подобная картина наблюдалась во многих районах республики. Поэтому постановлением Бюро ЦК КП(б)Б «Аб становішчы антырэлігійнай прапаганды у Беларусі» от 7 октября 1937 г. был намечен целый ряд мероприятий по данному вопросу. Во-первых, необходимо было реанимировать структуру СВБ. Создавалось республиканское оргбюро СВБ, на которое возлагалась обязанность в двухмесячный срок провести перерегистрацию имеющихся членов союза и развернуть работу по вовлечению в организацию новых членов. Для этого было необходимо воссоздать ячейки на местах. Предполагалось создание оргбюро СВБ во всех городах и районах, которые должны были подготовить и провести окружные, районные и городские конференции безбожников. Так же предполагалось:

«2. Абавязачь акруговыя, гарадскія і раённыя камітэты партыі стварыць там, дзе няма советаў бязбожнікаў, оргбюро для аднаўлення арганізацый СВБ, вылучыўшы у склад Оргбюро найбольш падрыхтаваных кіруючых работнікаў з партактываі актывабязбожнікаў.

4. Прапанаваць усім ГК, АК і РК КП(б)Б спецыяльна заслухаць на Пленумах партыйных камітэтаў пытанне абстанавішчы антырэлігінай прапаганды і прыняць меры к рашучаму паляпшэнню справы антрэлігінай прапаганды.

5. Лічыць найважнейшай задачай усіх партарганізацый аб'яднаць і сабраць расцэрнаныя кадры антырэлігінікаў, ваіаўціць новыя кадры бязбожнікаў з настаўнікаў, аграномаў і сельскай інтэлігенцыі» [21, л. 101].

Следует отметить, антирелигиозная работа после постановления бюро в республике значительно активизировалась. Во многих районах и городах под ружье были поставлены старые ударники безбожия, рекрутированы новые активные члены. Создавались лекторские группы и агитбригады. Проводились конференции. Вопросы антирелигиозной пропаганды заслушивались на пленумах партии. Наиболее слабо была поставлена работа, по мнению заведующего отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б Бедина, в Полоцком районе. Во время проверки было установлено, что райком партии этой работой не руководит. Вопрос был рассмотрен бюро Полоцкого РК КП(б)Б спустя два месяца. Итогом заседания стало утверждение состава оргбюро, «но товарищам, которые вошли в это бюро, РК сообщил ровно через 6 месяцев т.е. в июне 1938 г.», когда надо было в срочном порядке проводить районную конференцию СВБ [22, л. 79]. С учетом упущенного времени без предварительного обучения членов оргбюро организации состоявшаяся в августе 1938 г. конференция носила формальный характер и кроме вреда на фронте безбожия ничего другого принести не могла.

Районной конференцией можно назвать достаточно условно. Были представлены делегаты только трех организаций – железной дороги, тюрьмы и техникума. Остальные – назначены парторганами исключительно из городских организаций. Никакой информационно-разъяснительной работы на предприятиях и тем более в колхозах проведено не было. Райкомы партии и комсомола не придали конференции того политического значения, которое обозначалось высшим руководством. Вместо обсуждения стратегии борьбы с «религиозным дурманом», с его «популяризаторами» как «яркими врагами социализма» собравшиеся провели выборы райсовета (РС) СВБ, членов ревизионной комиссии и делегатов на областную конференцию. «Сами выборы проведены с нарушением самых элементарных правил – выбирались не только делегаты конференции, но даже и не члены СВБ, на заданный члену РС тов. Воронину (избранному на этой конференции): от какой организации вы были делегатом, он ответил: я не был делегатом, я даже не состою членом СВБ, я шел по улице, узнал, что проходит райконференция СВБ и решил зайти послушать. В это время проходило выдвижение в Райсовет, выдвинули и мою кандидатуру – вот и избрали» [22, л. 80].

Естественно, подобный халатный, а для того времени вредительский подход к делу не мог стимулировать деятельность безбожников в районе. Сам райсовет фактически собирался один раз 22 августа 1938 г. для распределения обязанностей и избрания председателя. Никакой работы не проводилось. Итоги проверки антирелигиозной работы в Витебской области ЦК КП(б)Б за 1939 г. по Полоцкому району отражены весьма лаконично: «В Полоцком районе СВБ нет, учета членов СВБ не имеется» [23, л. 3].

Отсутствие антирелигиозной работы местное руководство оправдывало отсутствием официально зарегистрированных религиозных организаций. А если церквей, костелов, синагог действующих нет, то, по их мнению, и бороться было не с чем. Подобные заявления высказывались для оправдания своей бездеятельности. На самом деле руководители на местах осознавали проблемы в антирелигиозной сфере. Если тайные крещения, отпевания усопших, обрезания можно было не замечать до поры до времени, то невыходы на работу пересекались с выполнением плановых хозяйственных показателей, которые и так массово не выполнялись, и религиозный фактор здесь был абсолютно не к стати. Спрос за показатели был самым жестким. Проверяющим из ЦК КП(б)Б летом 1940 г. указывалось что в Полоцком районе «религиозные праздники среди колхозников чувствуются довольно сильно. Об этом говорят факты невыхода на работу некоторой части колхозников в дни религиозных праздников» [23, л. 46]. По сравнению с предыдущим отчетом ситуация мало изменилась: «В районе за последние 2 года участок работы по антирелигиозной пропаганде был в загоне. Вся работа заключалась в организации отдельных лекций и то от случая к случаю. Ячеек СВБ в районе нет. Если в городе Полоцке еще читаются лекции на антирелигиозные темы, то в сельских советах среди колхозников эта работа пущена на самотек» [23, л. 46]. Райком партии попытался каким-то образом активизировать безбожников. Были проведены определенные мероприятия. РС СВБ организовал вступление новых членов в организацию, однако кампания по кадровому

ГІСТОРЫЯ

усилению западных регионов привела к практически полному развалу организации в 1941 г. Даже заказанные в облсовете СВБ материалы на сумму 200 рублей («членские билеты, марки и проч.) провалялись на почте больше месяца и посылку вернули обратно. Не помогло и обещание секретаря Райкома партии т. Димерштейна воздействовать на Райсовет СВБ, чтобы они выкупили свой заказ» [23, л. 113].

Противоречивая деятельность партийно-государственных организаций в антирелигиозной сфере не позволяет сделать вывод об ее эффективности даже с точки зрения самих этих структур. Основная проблема в том, что поставленная задача была в принципе невыполнима. Уничтожение религии и церкви большевики рассматривали как единый процесс. Звучавшие мнения о том, что это процессы параллельные, всячески игнорировались, т.к. были невыгодны с пропагандистской точки зрения. С религиозными организациями якобы никто не боролся. Официально указывалось, что в стране провозглашен для того времени абсолютно демократичный закон о свободе совести, отделявший церковь от государства и школу от церкви. Имущество отымалось как незаконно приобретенное при царизме и объявлялось народным достоянием. Репрессии духовенства обозначались как борьба с контрреволюционерами. Безусловно, все это делалось для уменьшения влияния религиозных организаций, но это влияние практически отождествлялось официальными властями с уровнем религиозности. На примере того же Полоцкого района это полностью опровергается. Церковь отделена от государства, школа – от церкви. Имущество отобрано. Мощи преподобной Евфросиньи Полоцкой осквернены, крест выставлен в музее. Храмы или закрыты, или разрушены. Духовенство либо расстреляно, либо находилось в местах лишения свободы, а вот религиозность в различных формах проявления была высокой. В этом плане примечательным является мнение народного комиссара внутренних дел БССР А. Наседкина, изложенное в докладной записке «Об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР» в ЦК КП(б)Б. Майор госбезопасности в совершенно секретном документе не только отчитался о проделанной работе по уничтожению очагов контрреволюции, но и подробно изложил положение дел на антицерковном фронте: «Несмотря на наличие к-р церковных и сектантских формирований, районные, партийные и советские организации антирелигиозной работе совершенно внимания не уделяют. В большинстве мест антирелигиозная работа совершенно не проводится или проводится от случая к случаю. К-р церковный элемент, используя отсутствие действующих церквей, проводит усиленную антисоветскую агитацию среди отсталого населения, истолковывая в антисоветском духе политику партии и Советской власти в части свободного отправления религиозных обрядов, и тянут верующих в подполье. Вследствие этого и для быстрейшего нанесения оперативного удара по антисоветскому церковному активу и для антирелигиозного разложения отсталых религиозных масс считаем необходимым допустить возобновление служб в ряде церквей (10 – 12), которые не функционируют, и вопрос о закрытии которых не поднимался» НАРБ [18, л. 76 – 77].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что Полоцкий район по «антирелигиозным показателям» являлся одним из худших в республике, но находился в рамках одной из существующих тенденций в реализации государственной конфессиональной политики. Практически полностью авторство в формировании режима власти в СССР до 1953 г. приписывается И. Сталину. В антирелигиозной сфере, необходимо отметить, общее руководство, генеральная линия партии или вождя претерпевали значительную трансформацию по пути к непосредственным объектам воздействия. И. Сталин формировал систему, а объективная реальность вносила свою коррективу. На местах были живые люди со своим мировоззрением, характерами, склонностями и способностями, что никак нельзя было сбрасывать со счетов. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин указывал: «Если бы мы могли, если бы мы сумели наши партийные кадры с низу до верху подготовить идеологически и закалить их политически, таким образом могли свободным образом ориентироваться во внутренней, международной обстановке, если бы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами-марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» [24, л. 89].

Вождь понимал, с кем имеет дело, на что способны его подчиненные, которые не всегда имели желание и возможности заниматься подобной работой. Руководство на местах зачастую не могло наладить ту же атеистическую пропаганду, как в Полоцке, и по причине отсутствия подготовленных кадров, и по причине нежелания кадров упорно заниматься данным вопросом. Закрытие всех храмов и разгон религиозных организаций власти трактовали как победу в антирелигиозной битве несмотря на наличие значительного числа верующих, в т.ч. активно проявляющих свою жизненную позицию. Что делать с их религиозностью, было непонятно. Применяемые меры были неэффективны. Да и объективно нести в массы атеизм в регионе, где сильны позиции православия и находились знаковые христианские святыни, было весьма проблематично.

Православная царква в Палочка-Віцебскай епархіі в найменшай ступені падверглася эксперыментам пробольшэвістскіх рэфарматараў-абнаўленцаў. Духовна-наравствае пачала населення аказалася сильней агеістычэскіх эксперыментаў. К пачалу 1940-х гадоў І. Сталін в умах гражданаў ужо оліцэтворял некаторыя чэрты мессіі, а агеістычэскія ідэі стрэмілася замяніць народна-патрыятычэскімі.

ЛІТЭРАТУРА

1. Манахтыр у царквы Спаса: Палочкай Спаса-Евфросініевскі манахтыр ад дрэвноты да нашых днэй. – Мінск: Орэх, 2007. – 136 с.
2. Государственный архив Вітебскай абласці. Ф. 331. – Оп. 1. – Д. 9.
3. Скворцав-Степанав, І.І. Ізбранныя агеістычэскія прайзведэння / І.І. Скворцав-Степанав. – М., 1959. – 489 с.
4. Крупская, Н.К. Із агеістычэскага наследзя / Н.К. Крупская. – М.: Наука, 1964. – 307 с.
5. Бонч-Бруевіч, В.Д. Ізбранныя агеістычэскія прайзведэння / В.Д. Бонч-Бруевіч. – М.: Мысль, 1973. – 343 с.
6. Гольденберг, М. Клерікальны агеістызм / М. Гольденберг. – Кішынёв: Штэінца, 1981. – 134 с.
7. Яблоков, І.Н. Релігія: сутнасць і явлэння / І.Н. Яблоков. – М.: Знанне, 1982. – 375 с.
8. Воронцав, Г.В. Массавы агеізм: Становленне і развіццё / Г.В. Воронцав. – Л.: Леніздат, 1983. – 211 с.
9. Платонав, Р.П. Научна-агеістычэская прапаганда: пуці павышэння эфэктывнасці / Р.П. Платонав. – Мінск, 1978. – 147 с.
10. Лівшыц, Г.М. Ачеркі па історыі агеізму в СССР 20-30-е гады / Г.М. Лівшыц. – Мінск: Наука і тэхніка, 1985. – 215 с.
11. Круглов, А.А. Развіццё агеізму в Беларусіі / А.А. Круглов. – Мінск: Беларусь, 1989. – 328 с.
12. Алексеев, В.А. Штурм небес адменяецца? Крытычэскі ачерк па історыі бараьбы с релігіяй в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
13. Навіцкі, У.І. Змена канфэсіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20 – 30-я гг. XX-га ст. / У.І. Навіцкі // Канфэсіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і др.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
14. Протько, Т. Становленне савецкай таталітарнай сістэмы в Беларусі (1917 – 1941 гг.) / Т. Протько. – Мінск: Тесей, 2006. – 687 с.
15. Лебедев, А.Д. Політыка савецкай улады па адношэнні к Рымска-католічэскай царквы в БССР (1919 – 1929 гг.) / А.Д. Лебедев. – Мінск: РИВШ, 2013. – 196 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
17. Российский государственный архив социально политической истории Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 80.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ), Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13219.
19. Кривонос, Ф. Ачерк из истории Вітебска 20 – 30-х гг. XX ст. / Ф. Кривонос // Вітебскія Епархіяльныя Ведомості. – 2001. – № 1(2).
20. НА РБ. Ф. 63п. – Оп. 2. – Д. 633.
21. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1035.
22. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13928.
23. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 15629.
24. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13189.